

ПАНОРАМА
МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Из истории отечественной
философской мысли

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ.
ОПЫТ ИСТОРИОСОФСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Философия истории есть искание истины.
Философия истории есть суд над историей.
Н.И.Кареев

К концу 60-х годов XIX века в русской общественной мысли укрепляет свои позиции позитивизм, что сразу нашло отражение и в сфере философско-исторических исканий. В понимании предмета и задач философии истории четко обозначилась тенденция к включению в ее проблемное поле теории прогресса в ее социологической трактовке. Первым наиболее последовательным проводником такого взгляда стал П.Л. Лавров. В 1870 году выходят его «Исторические письма» (под псевдонимом Миртов), сразу ставшие широко известными и получившие общее признание. Это была попытка *синтеза*, в котором примирялись идеи о личном и безличном характере исторического процесса. «Мы ищем и можем искать в истории лишь различные фазисы прогресса, — писал Лавров, — и понимать историю — значит понимать ясно способы осуществления нашего нравственного идеала в исторической обстановке... Мы прилагаем этот идеал к объективным фактам истории, и это не мешает им оставаться объективно верными, так как и тут верность их зависит от нашего знания и от нашей критики»¹. Разработка Лавровым теории прогресса применительно к интерпретации исторического процесса вызвала к жизни новое направление в развитии философско-исторической мысли, исходной установкой которого стали следующие «полупозитивистские» (В.В. Зеньковский) идеи: 1) движение истории определяют законы общества; 2) субъект истории — человек, преследующий свои цели в соответствии с выбранным социальным идеалом; 3) критическое отношение к прошлому раздвигает рамки «естественного хода вещей», включает в его пространство множество вариантов. Теория общественного прогресса, исходившая из понимания исторического процесса как взаимодей-

ствия личности и общественной среды, утверждала постепенный переход человечества из царства *естественной* необходимости в царство *возможности* свободы, т.е. самореализации человека в качестве творческой, критически мыслящей личности. Соответственно менялись представления о задачах философии истории. В числе последних главными стали считаться *поиски смысла*, а необходимое при этом внесение в истолкование истории оценочного момента стало объектом философской рефлексии, инициировав особое внимание к эпистемологической проблематике.

1. Историософия как философская теория исторического знания

Наиболее последовательным выразителем названного направления, хотя и со значительными изменениями в предложенной Лавровым «формуле прогресса», стал Н.И. Кареев (1850 – 1931), ученик С.М. Соловьева и В.И. Герье, защитивший в 1879 г. докторскую диссертацию на тему «Основные вопросы философии истории». Разделяя идеи и позитивистский пафос этой «формулы», Кареев разработал теорию прогресса в качестве *методологического основания* философско-исторической интерпретации истории², включив в нее вопросы гносеологического содержания. Считая, что «вся философия истории есть применение к судьбам человечества идеи прогресса»³, он отвел последней особую роль в историческом знании. «Формула прогресса» в его понимании – это «формула *гипотетического* построения истории, которое основано «на внесении в научное исследование духовной и общественной эволюции – объединяющего принципа разумной цели, к которой должна стремиться эта эволюция»⁴. Идея прогресса, по мнению Кареева, вносит в обозрение истории человечества тот порядок, обращение к которому спасает философию истории от теологизма (в любом его проявлении), переводя ее в *модус научного знания*. Защищая теоретическую значимость учения о прогрессе применительно к философии истории, он формулирует следующие, для него основополагающие, положения: «Во-первых, философия истории не есть философская теория истории, как науки; во-вторых, она не есть исследование законов, управляющих историческими явлениями; в-третьих, ей следует отказаться от поиска плана, по которому совершается история; в-четвертых, она не должна быть конструирована а priori из каких бы то ни было философских принципов»⁵.

Какую познавательную задачу в рамках такого подхода должна решать философия истории? Кареев отрицает за ней открытие *исторических законов*, вводя различие между науками *феноменологическими*, имеющими дело с явлениями, и *номологическими*, занимающимися любого вида закономерностями. Философия истории, по его убеж-

дению, входит в первую группу наук и потому вместо исторических законов, которых не может быть «по определению», как мы сказали бы сегодня, ей надо искать что-то другое⁶. Этим другим является *смысл истории в ее значении для человека* — смысл, который имеют для людей изменения, вызываемые историей в их духовно-нравственном развитии и на пути к совершенствованию общественных форм жизни. Выявление его есть задача философии истории. А «чтобы такая задача могла быть выполнена научно, нужна особая философская теория исторического знания, или *историософия*, которая дала бы общие принципы философии истории и решила бы вопросы об *отношении между философским умозрением и фактическими данными исторической науки, общие вопросы мирозерцания, имеющие значение в историко-философских работах* (Курсив мой. — И. С.), вопросы, входящие в теоретические науки о человеке»⁷. Следствием такой уставки научного знания стало вытеснение из его исследовательских построений понятия исторической закономерности⁸. Это, в свою очередь, актуализировало ракурс проблемы, до того времени как бы ускользавший от специального интереса исследователей, как философов, так и историков, а именно: при изучении истории неизбежна (и необходима!) *оценка, моральный суд над историей*. «Научная философия истории, — разъяснял суть такой позиции Кареев, — не идеализирует действительность, а судит ее с точки зрения идеала... берет его таким, каким нам дает его наука, и только оценивает его с точки зрения некоторой умозрительной формулы, научная философия истории ищет смысл истории, но не как ее сверхчувственную сущность, а как значение ее перемен для человечества»⁹. Устранение субъективного момента из философско-исторических исследований чревато риском не понять значимости исторических событий для последующего хода истории, а это серьезное упущение, с точки зрения задач, стоящих перед научной философией истории.

Предложенный Кареевым ракурс философской рефлексии, таким образом, сопрягался с вопросами, касающимися природы исторического знания, а именно: о роли объединяющей идеи в интерпретации хода истории, о правомерности нравственной оценки исторического события, о границах неизбежного субъективизма в истолковании фактов, о сопряженности априорных оснований знания с апостериорным воссозданием событий, об общественной закономерности и уникальности исторического пространства-времени, о целесообразности поиска смысла исторических событий в рамках научного знания. Можно сказать, что у Кареева мы впервые в отечественной философии истории находим *специальное изложение вопросов исторической эпистемологии*.

Впрочем, поворот к ней отражал общую логику развития философии истории, выявившуюся к этому времени. Но разработка ее проблематики Кареевым имела свою специфику. Связанные с ней вопросы рассматривались не столько с философских, сколько с *общесоциологических позиций*¹⁰, что во многом объясняется атмосферой позитивизма, в которой развивалась отечественная общественная мысль этого периода. На этом интеллектуальном фоне, начиная с 70-х годов XIX в., социология, понимавшаяся как наука об общих законах развития общества, стала оказывать решающее влияние на все общественные науки. Философия истории не стала исключением. Более того, как подчеркивал Э.Л. Радлов, она сама постепенно превращалась в социологию¹¹. Кареев был убежденным сторонником связи философии истории и социологии, хотя не отрицал наличия у первой своего особого предмета: им признавалась история с точки зрения объединяющей идеи, отражающей развитие человечества по пути прогресса.

Продолжив начатую Лавровым линию исследований в этом направлении, он отделил философию истории от историософии. «*Философией истории*, — писал Кареев, — я называю историю человечества с философской точки зрения, а философскую теорию исторического знания и исторического процесса, отвлеченно взятого, называю *историософией*»¹². Тем самым было предложено *основание* для эпистемологической проблематики в качестве самостоятельной области философско-исторического знания. Его Кареев связывал с необходимостью ответить на вопрос, *как прилагать идею прогресса к рассмотрению исторического материала, не нарушая принципа научной объективности*. В такой интерпретации предмета и содержания историософии он видел смысл предложенного им «терминологического нововведения». Введение термина историософии в новом качестве (не тождественном философии истории, как было ранее) *легитимировало социологизацию исторической эпистемологии и философии истории в целом*.

История каждого народа определяется многими факторами: географическими, этнографическими, культурными, политическими, различными случайными обстоятельствами и т.п. Их суммирующее воздействие вполне можно представить в виде некоторой «общей формулы», которая позволяет увидеть не только *связь* между историческими событиями, внести *порядок* в хаос, представить сквозь ее призму включенность истории отдельного народа в историю всего человечества, но увидеть прогрессивную направленность исторических перемен. Очевидно, что при таком рассмотрении *ход* истории не задается «свыше», но *привносится* в исследуемый исторический материал, а когда и домысливается познающим субъектом. Этот

акт — по природе своей субъективный, но позволяющий соотнести движение истории с развитием человека, а главное — с законами развития общественных форм жизни. Очевидно также и то, что *знание* таких законов может дать только наука, отвлекающаяся от эмпирических частностей (чего не может позволить себе история). Такой наукой, по убеждению Кареева, является социология в качестве теории развития общества. Ее сближение с философией истории дает последней, как науке феноменологической, недостающее ей знание для научного истолкования хода истории, в чем и состоит ее значение для последнего.

Истолкование хода истории — задача не простая, потому что «история — не прямая линия, не правильный узор, построенный по математическому плану, а живая ткань линий, неправильных и извилистых, переплетающихся самыми разнообразными и неожиданными способами, то спутывающихся до бесконечности, то слагающихся в несколько отграниченных систем, то сближающихся, то удаляющихся по единому направлению, то по разным»¹³. Иными словами, всемирно-исторический процесс неплановомерен, его развертывание для каждого народа сопряжено с действием множества субъективных факторов, «хаотических сцеплений», случайностей и «неправильностей»¹⁴. Каким образом подвести их под общий знаменатель, позволяющий увидеть, что они «увязываются» в целостное историческое бытие человечества, включающее в себя его прошлое, настоящее и будущее? Как избежать при этом соблазнительного для исследователя подключения к объяснению исторической последовательности событий логических схем и идей провиденциализма?

Эта исследовательская задача, по мнению Кареева, выполнима, если методологической установкой станет принятие идеи, выражающей *общую тенденцию* (не закон!) исторического процесса. «Узнать а priori реальные факты истории, ее настоящий ход, все ее действительное содержание — невозможно, но вполне возможно отнестись ко всему этому с априорной точки зрения, подойти ко всему этому с априорной руководящей идеей, внести в знание всего этого априорный объединяющий принцип»¹⁵. Реализацию такого подхода — истолкования хода истории с «априорной руководящей идеей» — дает перевод основного вопроса философии истории: «куда идет человечество с самого начала исторической жизни?» в иную плоскость: «осуществляет ли история наш идеал?». Ответ на него, в свою очередь, актуализирует исследовательский интерес к проблеме: в какой момент субъективизм исследователя, движимый желанием приложить в качестве универсальной «мерки» исторических событий представления о должном (об общественном идеале), определяемые каждый раз духовно-культурным багажом и системой

нравственных ценностей исторически-конкретного времени, становится препятствием для адекватного истолкования хода истории. Другими словами, встает *историософская задача* — понять, какие субъективные моменты, исходящие от познавательной установки исследователя, правомерны, «законны» при интерпретации исторического процесса.

Итак, главный вывод, к которому приходит Кареев относительно философско-исторического знания — это признание целесообразности включения в него оценочного момента, поскольку именно благодаря ему удастся, с одной стороны, упорядочить исторический эмпирический материал, с другой стороны, — рассмотреть исторические события (факты) *во взаимодействии* (прямом или опосредованном, необходимом или случайном) по линии их содействия (или препятствия) общественному прогрессу. Предвидя возможные возражения, Кареев развертывает аргументацию в пользу признания *субъективного метода в качестве необходимого и научно значимого*.

2. Два вида субъективизма — случайный и необходимый

Итак, обозрение исторического материала как целого предполагает в качестве методологического основания объединяющую исследуемый материал идею. Методологическая роль объединяющей идеи состоит в том, что она позволяет увидеть *тождество между различными стадиями эмпирически разнообразного процесса* — тождество, выполняющее для исследователя функцию закона, высвечивающее направляющий ход истории, но оставляющее место для множества случайностей, особенностей, и отклонений. Найдя «то единое, которое тождественно во многом», исследователь может увидеть, «какие есть общие и необходимые причины исторической жизни»¹⁶. Такая позиция спасает историка от логического конструирования истории, называемого Кареевым метафизической философией истории, и утверждает в правах научную философию истории. Отличие между ними он видел в том, что «первая стремится создать единый гармоничный в своих частях и логически необходимый план хода истории; вторая... может исходить только из признания истинности трех положений: ход истории зависит от множества разных причин, правильности он не представляет и очень большую роль в нем играет случайность»¹⁷. Цель научной философии истории — не априорное выведение возможного (или должного) хода истории, а апостериорное *упорядочивание* событий. В этом суть субъективного метода, названного им необходимым.

Оспорить такую позицию, оставаясь в рамках стоящего за ней понимания задач философско-исторического исследования, не-

легко: внутренне она непротиворечива. Если философия истории есть применение к судьбам человечества идеи прогресса, а поиски смысла истории, что является ее задачей, всегда сопряжены с нашими представлениями об общественном идеале, то субъективизм в исторических исследованиях есть позиция естественная и корректная. Это приходится признать.

Но в рамках такого подхода все-таки остается открытым вопрос: в каких границах субъективизм исследователя не искажает (а если искажает, то в какой мере) историческую картину мира? Эта проблема стала отдельной темой историософских рассуждений Кареева. Впрочем, следует заметить, что ее он «унаследовал» от защитников антропологического подхода в философии. Так, Лавров, искавший ее решение в рамках антропологизма, которого последовательно придерживался, считал, что проблема субъективизма в истории может быть адекватно истолкована лишь с позиций морального сознания. И тоже как будто понятно, почему, если помнить, что для Лаврова, на что обращал особое внимание В.В. Зеньковский, «только моральное в бытии и есть историческая реальность», а нравственный идеал есть «единственный светоч, способный придать перспективу истории»¹⁸. Поэтому для него субъективизм историка был естествен и научно оправдан. Историю нельзя понять, а историку — вступить в диалог со временем, иначе как с субъективных, т.е. человеческих, позиций. «Охватывая в общем мирозерцании целый процесс истории в прошлом и будущем, человек не может, по законам своей мысли (Курсив мой. — И. С.), искать в истории ничего иного, кроме фазисов прогрессивного процесса своего нравственного идеала... Во всяком случае, при достаточном фактическом знании степень развития личности, ее нравственная высота определяет понимание истории»¹⁹.

У Кареева, как приверженца социологического подхода, аргументация в защиту субъективизма в качестве метода, основанного на признании позитивной роли оценочного фактора в познании, несколько иная. В ее основании лежит различие двух видов субъективизма — случайного (произвольного, незаконного) и необходимого (законного). Это различие вытекает из его понимания исторической реальности. Кареев, как уже отмечалось, не отрицает в истории необходимости в виде обусловленности хода истории стечением обстоятельств, множественностью причин-факторов, вызывающих и сопровождающих их развертывание в историческом пространстве-времени, и соответственно не отрицает задачи объективно представить эту необходимость в общей картине мира, которую «рисует» историк. Повторю, он был категорически против «построения истории» в соответствии с каким-либо и кем-либо

задаваемым планом, или в соответствии с действием какого-либо исторического закона²⁰, но допускал «домысливание» со стороны исследователя в форме внесения в исследуемый материал *определенного порядка* — порядка, который бы отвечал поставленной познавательной задаче представить исторический процесс *в существующей объективно взаимной связи событий* (при этом не обязательно причинно-следственной)²¹. В противном случае все обстоятельства, все причины-следствия, все мотивы-цели утратят *связь во времени*, если последнюю не понимать как хронологию событий. Вот в рамках решения такой задачи Кареев и допускал субъективизм, не считая его противоречащим критериям научности. Более того, он полагал, что индифферентизм просто недопустим для историка и вообще для ученого, интересом которого является жизнь общества. «Наука должна быть объективной в смысле беспристрастной, но не может быть бесстрастной, индифферентной в делах общественных»²².

Разумеется, предвзятость, необходимая для понимания истории, имеет свои границы, они определяются различиями между *случайным* и *необходимым* субъективизмом. Эти различия Кареев выводил из заложенного в природе человека двойственного отношения к миру, суть которого в том, что оно может определяться личными интересами и пристрастиями, а может иметь своим основанием усвоенную систему общечеловеческих ценностей. В последнем случае субъективизм оправдан и законен. В полной мере этот факт характеризует и исследователя. «Законный субъективизм, чуждый всякого пристрастия и всякой односторонности, — писал Кареев, — сводится к субъективному отношению историка как человеческой личности к человечеству как совокупности таких личностей»²³. Но и этот субъективизм должен иметь «принципиальный критерий и быть поставлен в строгие рамки»²⁴. Над чувствами своими человек не волен в том смысле, что он не может отстраненно воспринимать окружающую его действительность, а потому «историческая наука не может запретить так или иначе оценивать факты прошлого, лишь бы сами они не искажались в угоду той или иной эмоции»²⁵. Проблема состоит в том, как историку удержаться в рамках законного субъективизма.

Путь только один — всегда оставаться на позициях общечеловеческих ценностей, морали, представлений о должном. Адекватная оценка событий (суд над историей) может осуществляться только с этих позиций, выход за их границы всегда сопровождается внесением в исследование точки зрения, диктуемой принадлежностью исследователя к определенной социальной группе, слою, классу, политической силе. Такой субъективизм обрекает исследование на

заведомо ложную интерпретацию истории. Исследователь должен оставлять за порогом своего научного интереса ценностные пристрастия как человек определенной профессии, вероисповедания, национальности, но обязан постоянно ощущать свою принадлежность к человечеству. Это та граница, дальше которой освободиться от субъективизма в познании истории невозможно, да и не нужно. Человек может сбросить с себя груз принадлежности к тому или иному сообществу, социальной группе, общественному союзу, освободиться от давления той социальной роли, которую он принял, включившись в общественную жизнедеятельность, но он не может освободить себя в своем познавательном отношении к миру от принадлежности к человеческому роду. И, как говорится, слава Богу. В противном случае вопрос о смысле истории и собственной роли в ней, мучающий человечество уже около двух с половиной тысячелетий, просто не возникнет, а если и возникнет, то отпадет из-за принципиальной невозможности получить на него ответ.

Таковы были исходные принципы философии истории, сформировавшиеся под влиянием укрепившейся в российской общественной мысли идеи прогресса и по ряду причин, определившие в 70 — 80-е гг. XIX в. ее лицо. Естественно, что это направление подвергалось критике, как со стороны философов (С.Н. Булгаков), так и со стороны тех, кто, как и Кареев, стоял на позициях социологии (П.А. Сорокин). На рубеже веков в поисках выхода из тупика, с одной стороны, социологизма, с другой стороны, трансцендентализма, на фоне неудовлетворенности утвердившимся господством позитивизма обозначилось новое направление в сфере эпистемологических исканий. Можно сказать, что «те направления, которые пытались устранить философию или же заменить ее построениями, основанными исключительно на данных опыта, утратили свое руководящее значение»²⁶. В своих истоках и концептуальных посылках новое направление было связано с философией всеединства Вл. Соловьева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, которая исключала необходимость поиска «начал» и «концов» истории, интерпретацию ее как движения по пути социологически трактуемого общественного прогресса. Философия истории утвердилась в модусе самосознания человечества, развивающегося по пути философской рефлексии относительно условий своей самореализации. Но и это направление философско-исторической мысли будет утверждать себя в противостоянии иным воззрениям на историю (материализму, марксизму) — такова судьба отечественной философии истории: ни одно из ее направлений не развивалось в отрыве от складывающегося исторического культурно-философского контекста и потому не пре-

тендовало на то, чтобы быть единственно истинным, откликаясь каждый раз на критику и возражения оппонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лаэров П.Л.* Исторические письма. Письмо семнадцатое // *Лаэров П.Л.* Философия и социология. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. – М., 1965. – С. 291.

² См.: *Кареев Н.И.* О современном значении философии истории // Юридический вестник. 1884. № 2; *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Второе переработанное издание. – СПб., 1887; *Кареев Н.И.* Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». – Варшава, 1884; *Кареев Н.И.* Историко-философские и социологические этюды. – СПб., 1895.

³ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. – С. 130.

⁴ *Кареев Н.И.* Историко-философские и социологические этюды. – С. 128.

⁵ Там же. – С. 127.

⁶ «Если можно говорить об исторических законах со сколько-нибудь научным основанием, то не в смысле законов, по которым совершалась вся история, а в смысле единообразий, наблюдаемых в жизни отдельных народов. Сравнивая между собой течение жизни разных наций, мы еще имеем право ожидать, что найдем нечто общее и повторяющееся в их истории... но это доказывает лишь правомерность исторических аналогий» (*Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. – С. 21).

⁷ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. – С. 14.

⁸ Закон, считал Кареев, это система, в которой одно из другого логически вытекает, как, например, закон всемирного тяготения. Очевидно, что, отстаивая такое понимание закона, он отдавал дань уходящему времени, связанному с механистическим толкованием природы естественных законов. Но Кареев не был естествоиспытателем и не мог использовать весь багаж идей естествонаучного знания. К тому же ему было очень важно оправдать значимость субъективного метода в истолковании хода истории, а аргументация в защиту этого тезиса требовала дистанцироваться от некоторых идей научного знания о природе.

⁹ *Кареев Н.И.* Историко-философские и социологические этюды. – С. 181.

¹⁰ Вспомним, что Н.И. Кареев был одним из основателей отечественной социологии.

¹¹ См.: *Радлов Э.Л.* Очерк истории русской философии. – Пг., 1920. – С. 89. Нередко социология толковалась в качестве «философии истории на научной почве» (А.П. Щапов). Позже Р.Ю. Виппер обозначил ситуацию и еще определеннее: «Социология, – писал он, – преемница философии истории, социология – это новые общие требования, предъявляемые историей», ибо она есть «умственное отвлечение тех задач, которые раньше были поставлены перед философией истории. Социология как наука об общественных законах справляется с этими задачами на научных основаниях» (*Brunner P.* Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С. 47).

¹² *Кареев Н.И.* Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». – С. 12.

¹³ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. – С. 52.

¹⁴ Следует заметить, что эта идея Кареева очевидно перекликается с идеей А.И. Герцена о «растрепанной импровизации истории», как и с его толкованием сути общественного прогресса.

¹⁵ Кареев Н.И. Историко-философии и социологические этюды. – С. 183.

¹⁶ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – С. 97.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Зеньковский В.В. История русской философии. – М., 2001. – С. 347.

¹⁹ Лавров П.Л. Исторические письма. Письмо семнадцатое. – С. 290 – 291.

²⁰ «Я всегда отрицал и продолжаю также теперь отрицать существование исторических законов в смысле законов, действие которых предрепало бы само течение исторических событий», – не устал наставлять Кареев (Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – М., 2008. – С. 289).

²¹ Можно сказать, что Кареев исключал развитие истории по плану, но он категорически настаивал на признании плана как историософского (*познавательного*) способа, позволяющего понять смысл истории.

²² Кареев Н.И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – С. 76.

²³ Кареев Н.И. Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». – С. 81.

²⁴ Кареев Н.И. Основы русской социологии. – С. 77.

²⁵ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох // Кареев Н.И. Избр. труды. – М., 2010. – С. 513.

²⁶ Проблемы идеализма. Сб. статей. – М., 1902. – С. VII.

Аннотация

В статье рассматривается этап русской философии истории, с которым связана разработка в ее рамках в качестве самостоятельной области знания проблематики исторической эпистемологии. В этой связи автор обращается к философско-историческим исканиям Н.И. Кареева, к его толкованию предмета и задач историософии.

Ключевые слова: философия истории, историософия, ход истории, исторический закон, смысл истории, идея прогресса, общественный идеал, субъективизм, логический конструктивизм, «план истории», позитивизм.

Summary

The article covers the period in Russian philosophy of history, when historical epistemology emerged as an independent area of knowledge within its context. Therefore the author turns to N. Kareev's philosophico-historical search and his interpretation of the subject and objectives of historiosophy.

Keywords: philosophy of history, historiosophy, course of history, historical law, purpose of history, idea of progress, public ideal, subjectivity, logic constructivism, «plan of history», positivism.